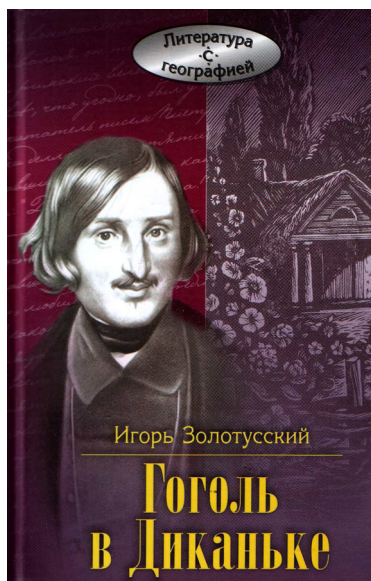




Игорь Петрович Золотусский
Гоголь в Диканьке
Серия «Литература с географией»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16899164
Игорь Золотусский. Гоголь в Диканьке: Алгоритм; Москва; 2007
ISBN 978-5-9265-0398-9

Аннотация

Знаменитый исследователь жизни и творчества Н. В. Гоголя Игорь Золотусский приглашает в увлекательное путешествие по местам великого писателя. Это Васильевка, Диканька, Сорочинцы на его родной Украине, Петербург, Рим, Москва... По своей натуре Гоголь был путником, любил дорогу, в частых поездках чувствуя себя как дома. В дороге происходит действие и многих его произведений, начиная с «Сорочинской ярмарки» и заканчивая «Мертвыми душами». «Ну, любезные», – с этими словами на последних страницах поэмы садится в свою коляску Чичиков, покидая губернский город NN. Отправимся в путь и мы – на автобусе, машине, поезде.

Книга предназначена для старших школьников, преподавателей литературы и всех, кому нравятся путешествия и великая русская литература.

Содержание

От автора	5
Глава I	6
1	6
2	10
3	12
Глава II	13
1	13
2	16
3	20
4	25
5	29
6	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Игорь Золотусский

Гоголь в Диканьке

*Вон небо клубится передо мною; звездочка сверкает вдали; лес
несется с темными деревьями и месяцем; сизый туман стелется под
ногами; струна звенит в тумане; с одной стороны море, с другой
Италия; вон и русские избы виднеют. Дом ли то мой синее вдали?
Мать ли моя сидит перед окном?*

Гоголь

© Золотусский И. П., 2007

© ООО «Алгоритм-Книга», 2007

От автора

Гоголь часто называл себя путником, странником и считал своим домом дорогу. Он действительно много путешествовал, но все-таки есть несколько мест на земле, которые были для него не только временным отдыхом в пути. Гоголя нельзя представить без Васильевки, без Диканьки, Сорочинец, без Петербурга, где он стал писателем, Рима, Москвы. В Сорочинцах он родился, в Москве умер и похоронен. В Риме Гоголь прожил с перерывами десять лет, там писались «Мертвые души».

Гоголь как-то сказал, что ландшафт, который видит ребенок, едва научившийся различать предметы, влияет на его взгляд на мир. Это правда. Мир Гоголя – это не только внутренний мир, но и мир вокруг него, живые черты тех мест, которые помнят его.

Глава I Сорочинцы

1

В один из жарких дней августа тысяча восемьсот... не будем уточнять, какого именно года, на мосту через реку Псел появился воз, груженный пенькою и полотном, на верху которого сидели две женщины – одна уже немолодая, с неприятным и «диким» лицом, другая – совсем еще молоденькая, «с круглым личиком, с черными бровями, ровными дугами поднявшимися над светлыми карими глазами, с беспечно улыбавшимися розовыми губками». Воз направился на ярмарку и здесь, на мосту, за которым начинались окраины местечка Сорочинцы, славившегося на Миргородщине своими ярмарками, и повстречали его веселые парубки.

Красавице они улыбнулись, над ее соседкою посмеялись, за что выслушали немало брани, впрочем, никак не нарушившей ленивую тишину августовского полдня, неторопливого хода тянувших воз волов и невозмутимости хозяина обоза – козака Черевика, который привык и к крикам жены, и к восхищению, которое вызывала у молодых козаков красота его дочери.

По этому мосту въехала когда-то в Сорочинцы и облепленная весенней грязью карета с Марией Ивановной Гоголь. Существует предание, что Гоголь родился в дороге, что разлившаяся река снесла мосты и не дала обозу из Васильевки вовремя поспеть в Сорочинцы.

Но родиной Гоголя все равно считаются Сорочинцы. Даже если права легенда, то ехала-то Мария Ивановна сюда, здесь ждал ее доктор Трохимовский, к которому она направлялась и который сказал свои знаменитые слова о новорожденном: «Славный будет сын». Он, конечно, имел в виду его жизнь и здоровье, но получилось, что слова те обрели иной смысл, и сын Марии Ивановны и Василия Афанасьевича стал славным сыном России.

Может быть, недаром действие самой беспечной повести Гоголя «Сорочинская ярмарка» происходит на его родине. Может быть, поэтому так молодецки весела она, так полна жизнью, красками, звуками, изобилием света и цвета Украины. Из нее бьет юношеская свежесть Гоголя.

Домик М. Трохимовского, где (согласно другой – и давно принятой за единственную – версии) родился Гоголь, стоит неподалеку от упомянутого моста через Псел, вернее, стоял, потому что сейчас на том месте другое здание, а обиталище доктора сгорело во время Великой Отечественной войны, подожженное фашистами.

Место это Трохимовский выбрал не случайно – он лечил водою Псела, целебными травами, настоящими на этой воде. И в нынешних Сорочинцах так лечат и детей, и взрослых. Детей, например, кладут в корытце с теплой псельской водой, заматывают их в полотенца, пропитанные травяным настоем, – и отступают болезни, дети растут крепкими, здоровыми.

Гоголь, в течение своей жизни много болевший, не раз пользовался травами и когда наезжал в Васильевку, и когда жил в Петербурге (туда присылала ему травы мать), и в далеком Риме, куда он тоже прихватывал с собой целебные настойки и мешочки с сушеною травой. Пользоваться ими его научила еще бабушка Татьяна Семеновна – большая искусница по этой части, ее знание перешло потом к сестре Гоголя, Ольге Васильевне Гоголь-Головне, дом которой в Васильевке стал приютом для сотен страждущих. Гоголь, кстати, очень хотел, чтоб после его смерти в Васильевке было устроено нечто вроде бесплатной больницы, где лечили бы всякого, кто обратится за помощью.

Мария Ивановна Гоголь ехала к Трохимовскому, чтобы спасти дитя, – ведь двое ее предыдущих детей родились мертвыми. Мальчик выжил, трех недель от роду он был отправлен вместе с матерью в Васильевку.

Гоголь не выбирал места своего рождения, но оно во всех отношениях оказалось историческим. Там, где стоял дом Трохимовского, были некогда конюшни гетмана левобережной Украины Даниила Апостола. Апостол одно время имел квартиру в Сорочинцах. От квартиры гетмана вел потайной подземный ход в церковь, высящуюся неподалеку на берегу Псела, – церковь Спасо-Преображения, где крестили Гоголя. Церковь эту построил Даниил Апостол, построил как память о себе и собственную усыпальницу – под тяжкими плитами каменного пола покоятся его останки.

Храбрый то был полковник и горячий. Служил верою и правдою царю Петру, потом чуть не ушел с Мазепой, но вовремя одумался, пал Петру в ноги и попросил смерти или милости. Выпала милость. Полковник Апостол стал гетманом Апостолом.

Был он дальним предком знаменитых Муравьевых-Апостолов, ставших декабристами. Их имение, точнее, имение их отца Ивана Матвеевича Муравьева-Апостола находилось недалеко от Сорочинцев. Оно и посейчас цело, называется Хомутец, и стоит там посреди разросшегося запущенного парка дом Апостолов, а в углу парка, в конце аллеи, срослись стволами три дуба, посаженные стариком Муравьевым-Апостолом в честь сыновей – Матвея, Сергея и Ипполита, принимавших участие в событиях 14 декабря. Один брат – Ипполит – застрелился при неудаче восстания Черниговского полка, другой – Сергей – был казнен, третий сослан в каторгу. Отец сочинил о сыновьях элегию на греческом языке, которую читал своим друзьям, когда приходили они на то место, где росли три дуба.

Гоголь не бывал в Хомутце, но зато он бывал и жил в Кибинцах – имении Д. П. Трошинского под Миргородом, у которого часто гостили братья Муравьевы-Апостолы, как и их друг, подпоручик Полтавского пехотного полка М. Бестужев-Рюмин.

Многих знаменитых людей мог видеть Гоголь в детстве. Это и князь Н. Г. Репнин, малороссийский генерал-губернатор, родной брат декабриста С. Г. Волконского, и Василий Васильевич Капнист, владелец соседствующей с Сорочинцами Великой Обуховки, автор «Ябеды», и Гаврила Романович Державин, который в июле 1813 года посетил своего друга Капниста в Обуховке. По словам матери Гоголя, вся их семья находилась в то время в гостях у Капнистов. Проверить это трудно, но дух Державина (мало того, что поэты были друзья, они были еще женаты на родных сестрах) витал в Обуховке.

Капнист, по рассказу той же Марии Ивановны, первый поощрил поэтические занятия маленького Никоши. Не знаем, что именно было предложено ему прочесть из ранних стихов Гоголя, но старый поэт поступил с начинающим пиитом снисходительно: сказал, что из него будет толк. Но добавил при этом, что тому нужен хороший учитель.



Мать писателя Мария Ивановна Гоголь-Яновская

Земля, на которой явился свету Гоголь, имела славное прошлое. Тут казачьи полки рубились с поляками, на землю эту заглядывались и литовцы. И сейчас в лесах Миргородщины находят клады, отрывают старинные бочонки с золотом, находят богато украшенное оружие, подземные траншеи и «мины» – подземные ходы. Начало одного такого подземного хода автору этих строк показывали в Диканьке. Говорят, он вел до самой Полтавы.

В. В. Капниста Гоголь любил, с него брал пример, будучи юношей. По примеру Капниста Гоголь хотел сделаться «совестным судьей» (должность, в которой некоторое время пребывал и сам Капнист) и пойти по юридической части. Капнист всю жизнь служил отечеству. Служил, состоя в должности и находясь в отставке. Он был полтавским генеральным судьей, предводителем полтавского дворянства, основателем училища для бедных дворян в Полтаве, ведал репертуаром императорских театров. У себя в Обуховке он был честным помещиком. Телесных наказаний не было в Обуховке, как не было их, кстати сказать, и в Васильевке. Если Капнист замечал самоуправство или несправедливость, он жестоко карал виновных, привлекал их к суду.

По многим запутанным делам, касающимся других лиц, он ездил в Петербург – «ужасный лабиринт», как он называл этот город.

Дочь В. В. Капниста, С. В. Скалон, оставила записки о своей жизни, где поминаются ее встречи с Гоголем. Одна из них относится к 1828 году, когда Никоша Гоголь уезжал со своим другом Данилевским в Петербург. Прощаясь с автором записок, он говорил: «Прощайте, или вы обо мне ничего не услышите, или услышите нечто весьма хорошее». Я тогда подивилась самонадеянности сына Марии Ивановны, пишет Скалон, потому что мы в нем ничего замечательного не видели. Прошло много лет. В 1851 году Гоголь в последний раз посетил Полтаву. И Софья Васильевна напомнила ему тот давний разговор. Он улыбнулся, и на глазах его показались слезы.

Между прочим, в архиве Капнистов сохранились письма Михаила Трохимовского В. В. Капнисту, в которых тот дает поэту врачебные советы.

2

В 1929 году в домике Трохимовского открыли музей. Он был беден, но в нем показывали некоторые вещи Гоголя – его портфель, сюртук. Они перешли сюда от бывших владельцев Васильевки. После войны на этом месте зияло пепелище. Вся Полтавщина тогда напояла селение, по которому прошелся большой пожар. Война и Васильевку опустошила. Немцы вырубili сад и парк. Уходя, поджигали хаты, а колодцы заливали бензином. Если бы не поспевшие на бахчах арбузы, жители села умерли бы от жажды.

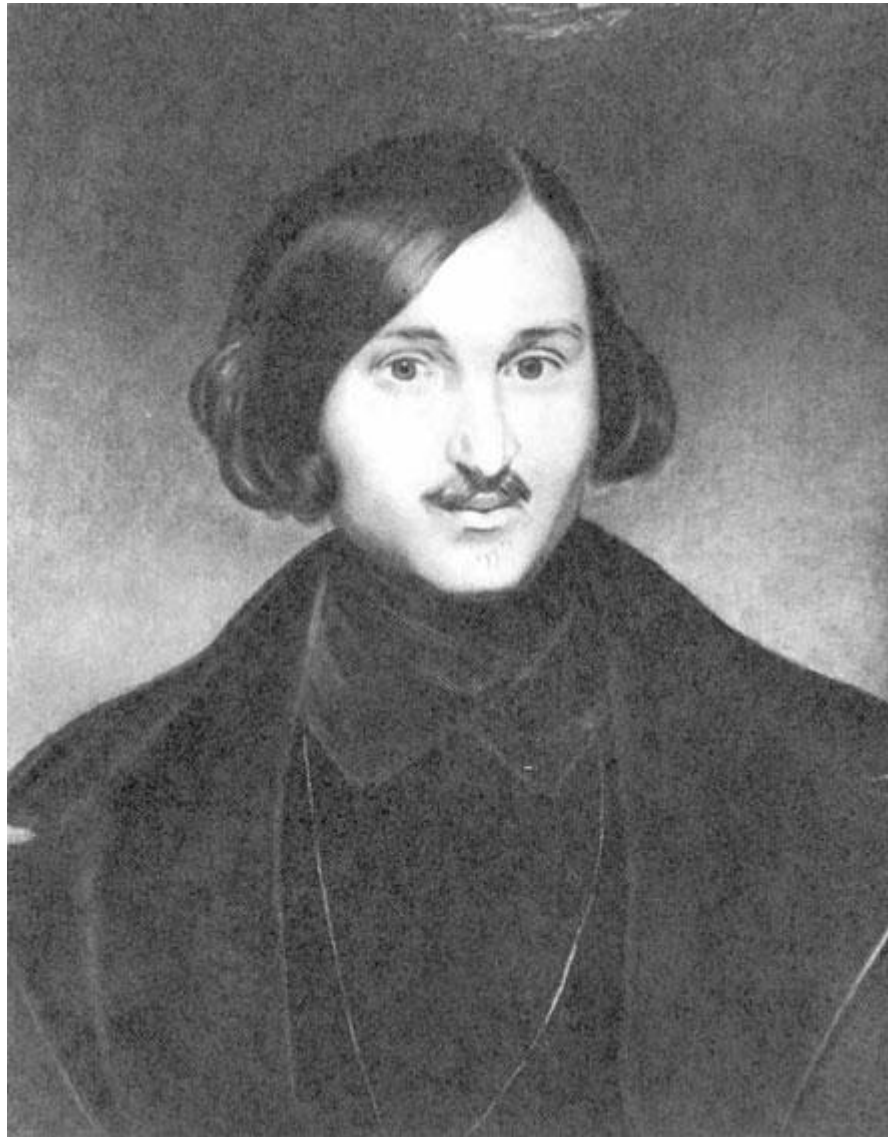
Об этом мне рассказывал отпускник-майор, с которым мы вместе ехали из Васильевки в Полтаву. У майора был удивительно острый, по-гоголевски птичий и длинный нос.

Дом в Сорочинцах не восстановили, на его месте построили новый. Кирпичный, низенький, он побелен так же чисто, как белят на Украине старые хатки. В затененных зеленых садах окна видны просветы неба, прохлада даже в самые жаркие дни царит в бережно убранных, до блеска отмытых комнатах. Перед входом стоит бюст Гоголя. Гоголь иронически улыбается.

В Сорочинцах нашлись люди, которые по собственному почину стали собирать библиотеку музея. Один из них – Г. С. Брайко – ездил в Москву и Ленинград, скупал бесценные издания Гоголя у букинистов. Иные из букинистов не верили, что в Сорочинцах можно сохранить редкие книги, приезжали сюда сами, смотрели, удостоверились, что «старый» Гоголь обрел надежный приют. Деньги на книги собирали у любителей литературы. Сейчас в музее редчайшее собрание сочинений Гоголя, вышедших при его жизни.

Есть тут и вещи Гоголя – жилет, цилиндр, портфель, чемодан. Есть сделанные его рукой рисунки, отрывок из письма лицейскому товарищу. И копия портрета работы Ф. Моллера, очень похожая на подлинник. Портрет этот Гоголь подарил матери, и однажды – уже после смерти сына – Мария Ивановна приняла портрет за его живое лицо. Она была женщина «страшного воображения», как любил выражаться отец, Гоголя Василий Афанасьевич.

Спасо-Преображенская церковь в двух шагах от музея. Стоит она на обрывистом берегу Псела. Берег не так высок, но с него открывается вид на окрестности, на раскинувшиеся над Пселом луга. Церковь выстроена в стиле украинского барокко. Золоченые кресты, зеленые купола оттеняют яркую белизну стен, украшенных национальной лепкой. Кажется, каменный рушник опоясывает ее карниз и надвратные изгибы стен.



Николай Васильевич Гоголь. Портрет работы Ф. Моллера. Рим. 1841 г.

Когда смотришь на эту гоголевскую реликвию со стороны заречья или с моста, по которому подъезжала к Сорочинцам красавица Параска, героиня «Сорочинской ярмарки», то церковь кажется величественной, огромной. Тень ее при заходе солнца падает через весь Псел. Сорочинцы тонут в садах, крыши хат (а теперь уже каменных домов) как будто утоплены в зелени деревьев. Изобильна полтавская земля, все родит, всем кормит – всякого «дрязгу», как говорил Гоголь о яблоках, грушах, вишнях, абрикосах, здесь много.

3

Гоголь любил дорогу, действие многих его сочинений происходит в дороге. С дороги, ведущей в Сорочинцы, открывается его первая повесть, дорогою заканчивается и последняя – последние главы «Мертвых душ», – это дорога Чичикова, дорога Хлобуева, дорога князя, едущего с отчетом государю в Петербург.

Гоголь всю жизнь ездил. Беспокойство гнало его по городам и весям, он нигде подолгу не заживался, не задерживался. И всюду он был гость, проезжий путник, а не постоянный житель. Недолго жил он в Петербурге, в Риме, все время выезжая из него, скитаясь по Европе, в Москве. И до последних дней своей жизни мечтал он куда-нибудь уехать – на острова Средиземного моря, на Камчатку («хоть фельдъегерем», – грустно иронизировал он), в Сибирь (чтоб собрать материалы для второго тома «Мертвых душ»), в волжские губернии, на Север, в Кострому, в Ярославль. И очень хотелось ему в Крым, к теплу, к которому он, южанин, так привык с детства и которое ему дарил Рим. «Весной, – пишет он сестре Ольге в декабре 1851 года, за два месяца до смерти, – если поможет Бог... надеюсь заглянуть к вам...»

Но не суждено ему было более посетить места своего рождения. Летом в Васильевку из Москвы прибыли сначала сундуки с книгами, вещи Гоголя, которые сопровождал мальчик Семен Григорьев (присутствовавший при сожжении второго тома поэмы и при кончине хозяина), затем и его бумаги. Их привез С. П. Шевырев. Он писал в своем дневнике: «Крестьяне Васильевки и козаки (вольные крестьяне), знавшие покойного, никак не думают, чтобы он умер, а говорят, что у него было много врагов и император Николай Павлович, чтоб скрыть его от врагов, усла в Европу западную отыскивать брата его Александра Павловича, также еще живого, но что он возвратится. Они гадали об нем – и выходило, что он жив».

Гадали по-всякому, в том числе и так: в чистую крынку с глянцевыми стенками сажали паука. Если паук за ночь выберется из крынки (или горшка), то тот, на кого гадают, жив. Если нет – умер. На Гоголя гадали – получилось, что жив.

В семье Гоголя верили в приметы и предсказания, Василий Афанасьевич незадолго до кончины своей слышал «голоса», предвещающие ему смерть. «Голоса» слышались в последние дни жизни и его сыну.

Отсюда, из Сорочинец, начал он свой путь по жизни. Здесь – в окружении детей помещиков, поручиков, крестьян, козаков – был записан в метрическую книгу Спасо-Преображенской церкви и получил духовное напутствие. В книге этой рядом с отметкой о рождении и крещении Гоголя помянуты некие Иван Зеленый, Матвей Могильный, Василий Пищилька (один – мещанин, другой – козак, третий – «порутчик»). У всех записано: «Местечка Сорочинец... родился и... крещен». Про Гоголя сказано: «У помещика Василия Яновского родился сын Николай и крещен...» Не сказано весьма важного: «Местечка Сорочинец». Только про одного Гоголя и не сказано. Может, он и вправду родился в дороге?

В «Сорочинской ярмарке» Гоголь воздаст должное своей родине. Родина есть родина – она и праздник души, и грусть, и все, что описано Гоголем в первых строках этой повести: «Как упоителен, как роскошен летний день в Малороссии!...»

Глава II Васильевка

1

16 мая 1848 года Гоголь писал в письме к А. С. Данилевскому: «Ты спрашиваешь меня о впечатлениях, какие произвел во мне вид давно покинутых мест. Было несколько грустно, вот и все. Подъехал я вечером. Деревья – одни разрослись и стали рощей, другие вырубались. Я отправился того же вечера один степовой дорогой, позади церкви, ведущей в Яворивщину, по которой любил ходить некогда, и почувствовал *сильно* (выделено Гоголем. – И. З.), что тебя нет со мной. Вероятно, того же вечера я был в Толстом, но Толстое пусто, и мне стало еще грустнее... Чувство непонятной грусти бывает к нам ближе, чем что-либо другое. Василия Ивановича я, однако же, видел и у него плотного ремонтера¹ средних лет, Николая Васильевича, которого прежде видел делающим микроскопические дрожечки вместе с братьями».

Письмо это сразу отбрасывает несколько отсветов и в сочинения, и в жизнь Гоголя. Вспомним для начала такой эпизод из «Ревизора». Петр Иванович Добчинский на приеме у Хлестакова. Он рассказывает Хлестакову о своем старшем сыне: «Мальчишка-то этакой... большие надежды подает: наизусть стихи разные расскажет и, если где попадет ножик, сейчас сделает маленькие дрожечки, так искусно, как фокусник-с...» Способности ремонтера из селца Толстое, принадлежавшего отчиму А. С. Данилевского В. И. Чернышу, Гоголь отдал своему герою. Воспоминание то было взято из детских лет, стало быть, и плотный ремонтер Николай Васильевич (тезка Гоголя) был в то время ребенком, по годам под стать сыну Петра Ивановича Добчинского.

Гоголь всегда так: будто и сочиняет, выдумывает, берет все из своего воображения, но шкатулка памяти подбрасывает кое-что и из своих запасов. То фамилия выглядит знакомая (бабка Гоголя была Лизогубиха; Пульхерия Ивановна в «Старосветских помещиках» – Товстогубиха), то дом, в котором живет один из приятелей Поприщина («Записки сумасшедшего»), окажется домом, в каком жил в Петербурге сам Гоголь, то невеста в «Женихах», переделанных потом в «Женитьбу», получит родовую примету сестер Гоголя – длинный нос.

Искали и до сих пор ищут пасеку, на которой жил Пасичник Рудый Панько. Ищут ее вблизи Диканьки, ищут в других местах – не могут найти. А надо встать лицом к востоку и отправиться из Васильевки той самой степовой дорогой, которую поминает Гоголь. Менее чем через час ходьбы очутишься в густой роще яворов (так на Украине называется разновидность клена), лип и дубов, там, где стояла когда-то пасека Гоголей и где жил, конечно, «пасичник», но не Рудый Панько (его Гоголь выдумал), а какой-нибудь старик из Васильевки, знавший много сказок про эту местность, полную чудес и преданий. И сейчас, когда вступаешь под сень деревьев, окунаешься в их густую тень и земля начинает уходить вниз в овраг, на дне которого громко – в мертвой тишине уснувшего леса – гремит ручей, кажется, переступаешь в иной мир.

Дорога мимо Яворивщины ведет далее, в Диканьку, по ней не раз ездили и ходили Гоголи на богомолье. В Диканьке было две церкви: Троицкая, стоящая посреди села, вся увитая резною лепкой, нарядная, парадная, и строго-красивая, с гладкими стенами и широким, приплюснутым куполом церковь Николы Диканьского, родовая церковь владельцев

¹ Ремонтер – офицер, занимающийся закупкой лошадей для войск.

Диканьки Кочубеев, фамилия которых образовалась от имени их татарского предка Кучумбея. Были Кочубеи широколицы и узкоглазы, их азиатское происхождение сказывалось и в их характерах. Они были дерзки, решительны. Василий Леонтьевич Кочубей сложил голову на плахе по навету Мазепы. Его дочь, увековеченная Пушкиным в «Полтаве», полюбила старого гетмана. Матрена, или Мотря, Кочубей назначала гетману свидания ночью под дубом, встречалась с ним в околдованном диканьском лесу (Диканьку потому и назвали Диканькой, что леса вокруг нее были дикие), а кончила послушничеством, монашеством, и похоронили ее, по рассказам, на кладбище Крестовоздвиженского монастыря в Полтаве. Монастырь тот стоит на горе и поныне (остались стены, колокольня, реставрируется церковь), но могила дочери Кочубея затерялась.

Письмо Гоголя А. С. Данилевскому возвращает нас и к тому эпизоду в его жизни, когда впервые обрел он друга – друга в виде сверстника, сына соседей Саши Данилевского. Был этот мальчик строен, красив, яркоглаз, яркогуб.

Данилевский – это первые игры, первые откровения юности, первые мытарства в Петербурге. Детство, проведенное бок о бок, юность, мелькнувшая, как ласточка за окном, затем холодная квартира на Гороховой – первое их обиталище в Северной Пальмире, новая квартира на Екатерининском канале; переезд в дом Зверкова – все это вместе с Данилевским, вместе с «ближайшим», «братом», как станет называть его в своих письмах Гоголь.

Двенадцать детей родила Мария Ивановна, были среди них и сыновья, да рано умирали. Дольше всех прожил брат Иван, который был младше Гоголя на год, другие же – Андрей, Дмитрий, умерли младенцами.

Гоголь поздно научился говорить (в три года) и очень стеснялся вначале говорить на людях. Он даже свои любимые песни, слова в которых он произносил довольно ясно, пел, закрывшись за дверью:

Бабка кисіль варила,
На морозі цідила.

К брату Ивану Гоголь был очень привязан, вдвоем провели они год в полтавском поветовом училище, но Иван пропускал уроки, часто болел, родители взяли его обратно в Васильевку, но, видно, не суждена ему была долгая жизнь. Гоголь лишился брата, когда ему было десять лет. Он плакал, сочинил о брате и о себе трогательную поэму под названием «Две рыбки», где скорбел о смерти одной из них.

Вообще фатальность в отношении к потерям была одной из черт Гоголей. Василий Афанасьевич никак не мог смириться со смертью своей любимой дочери Анны. Он уходил за усадьбу в поле, ложился там на землю и плакал. Однажды после очередного приступа горя он заснул на сырой земле и с тех пор стал слабеть грудью. От этой болезни он и умер.

Уезжая лечиться в Лубны в 1825 году, он сказал Марии Ивановне, что едет умирать, и слова его сбылись.

Мария Ивановна, когда узнала о его смерти, отказывалась от пищи и не хотела жить. В потере близкого существа было не только горе, невозможность сжиться с утратой (Мария Ивановна возроптала даже на бога, хотя свято верила в него). В потере видели знак, намек, предупреждение. Мария Васильевна Гоголь, старшая из сестер Гоголя, рано потеряла мужа. Она чахла и чахла, блекла ее красота, не нужная никому, и, когда Данилевский (а он вырос в красавца и сделался любимцем женщин) не ответил на ее чувство, для нее все кончилось. Скоротечная чахотка свела ее в могилу.

Для самого Гоголя смерть брата, смерть отца были ударами, от которых он не оправился. Они сделались началом тех недобрых предзнаменований, которые преследовали

Гоголя всю жизнь. Очередная смерть близкого или даже знакомого человека как бы напоминала о его собственной близящейся смерти.

Вспомним, как Пульхерия Ивановна в «Старосветских помещиках» говорит о пропавшей кошечке, которая вдруг вышла из леса, что это ее смерть за ней приходила. После этого она ложится в постель и уже более не встает. Смерть приходит от сознания смерти, а не от какой-нибудь болезни. Так же и Афанасий Иванович. Услышав в жаркий день в саду голос Пульхерии Ивановны (уже покойницы), он верит, что она пришла за ним, зовет его. И так же быстро «уходит» вслед за ней.

2

Вообще Гоголи жили недолго. Василий Афанасьевич скончался на сорок восьмом году жизни, Гоголь не дожил до сорока трех лет. Как говорил он о себе и о своем отце, сложения они были слабого. Но вот прадед Гоголя, Василий Танский, дожил до восьмидесяти пяти лет. Этот петровский полковник, бывший приближенным гетмана Скоропадского, все перенес – и славу, и бесславье (когда его сослали за жестокое обращение с козаками в Илимск), и потерю имений, и семь лет Сибири. Жену его звали Ганна (Анна), она была женщина с крутым характером; единственную дочь свою они тоже называли Ганнусей (вспомним героиню «Майской ночи», возлюбленную Левко), – она и стала женой Семена Лизогуба, чья фамилия тоже была известна на Украине: Лизогубы состояли в родстве, с одной стороны, с гетманом Скоропадским, с другой – с Павлом Полуботком, который, по народной легенде, в цепях в тюрьме дал свой грозный ответ царю Петру, напоминая ему о Страшном суде перед лицом всемогущего бога (этот сюжет вдохновил художника Волкова, написавшего картину «Петр I и Полуботок»). Так что среди предков Гоголя были и свои возмутители спокойствия. Полковник Танский, судя по всему, человек смелый, но и честолобец, испытывавший тяжесть опалы, к концу жизни раскаявшийся и нашедший утешение в вере, смутьян Полуботок и прадед Гоголя Семен Лизогуб, – тихий, набожный, добрый, – таковы были крови, которые смешались в роду Гоголя и образовали свою взрывчатую смесь.

Потому что, несмотря на добрый нрав, в гневе Гоголь бывал и резок и неудержим, его ум, «карауливший над собою», как любил он говорить о своем уме, не всегда имел власть над чувством.

Кроткая кровь Семена Лизогуба породила воплощенный образ любви и добросердечия – бабушку Гоголя, Татьяну Семеновну Лизогуб. Ее черты он отдал любимой своей героине – Пульхерии Ивановне Товстогуб.

«Отдаленная деревня» Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны так же удалена от городов, как и Васильевка – имение отца Гоголя Василия Афанасьевича Гоголя-Яновского, доставшееся ему в наследство от матери, Татьяны Семеновны. И «низенький домик с галереею из маленьких почернелых деревянных столбиков», и ковер под развесистым кленом (где, кстати сказать, любили проводить время сестры Гоголя), и двор с амбарами и кухней, и пруд – все это виды Васильевки, все это родина Гоголя, его пенаты. Кстати об одной подробности, оправдывающей «владельцев» этой деревеньки. У Гоголя сказано: «Я иногда люблю сойти на минуту в сферу этой необыкновенно уединенной жизни, где ни одно желание не перелетает через частокол...» Обычно эти слова относят к героям повести, относят и ставят им в вину – вот, дескать, как скучно они жили, ни о чем, кроме своего дома, не думали. Но речь здесь идет не о них, а об авторе, вспоминающем их жизнь, о его желаниях в данную минуту воспоминания, погруженных в собственное вдохновение. Это *его* мысли не перелетают через частокол. Гоголь действительно любил «эту скромную жизнь», как признается он в первых строках повести. Не раз его бричка или коляска останавливалась у крыльца дома в Васильевке, где жили его мать и сестры и где он провел одиннадцать лет жизни. Сначала он наезжал сюда студентом, потом автором «Вечеров на хуторе близ Диканьки», затем – «Миргорода» и «Арабесок» и, наконец, просто *Гоголем*.

«Я думаю, все переменялось, но мое сердце всегда останется привязанным к священным местам родины», – писал он матери в 1825 году. Эти слова он мог бы повторить и на закате жизни. По свидетельству племянника Гоголя, Н. Трушковского (сына сестры Гоголя Марии), Гоголь хотел, чтоб его прах покоился в Васильевке.

«Сегодня ездил с Трушковским в Данилов монастырь, – писал в одном из писем биограф Гоголя П. Кулиш. – Дорогою он объявил мне, что Гоголь завещал перевезти его тело в

Васильевку». Сейчас на месте бывшего Васильевского кладбища, находившегося, как и все сельские кладбища, у стен церкви, осталась одна могила – могила родителей Гоголя, Василия Афанасьевича и Марии Ивановны Гоголей-Яновских.

Васильевская усадьба делилась на две части прудом, по ту сторону пруда, на возвышении, ничего не было – одна голая земля. Гоголь насадил там маленькие клены, липки, дубки. Он брал в руки пригоршню камней и разбрасывал их по полю – где камень упадет, там и расти дереву. К концу века, когда Гоголя давно уже не было в живых, парк разросся и в нем построили дом, в котором поселился сын сестры Гоголя, Елизаветы Васильевны – Н. Н. Быков. Судьба свела ветви Пушкина и Гоголя – внучка поэта, Мария Александровна, стала женой Н. Н. Быкова.

Дочь Н. Быкова, Софья Николаевна Данилевская, рассказывала мне в 1979 году в Полтаве, что на их – быковской – стороне по просьбе Гоголя крестьянами был насыпан невысокий холм земли, с которого, если подняться на самый его верх, была видна соседняя усадьба Черныша. А еще говорили, что в нем спрятал Николай Васильевич перед отъездом из Васильевки свои рукописи. «Мы детьми часто играли возле этой насыпи, – рассказывала Софья Николаевна, – и даже пытались разрыть ее, прорыли глубокую нору, но ничего не нашли». «Когда поэта спрашивали, – пишет В. Чаговец, – зачем он насыпает этот холм, он, говорят, ответил: «Когда-нибудь люди будут очень благодарны мне за это». Эти таинственные слова Гоголя и дали повод для слухов о зарытых в земле рукописях.

Отец Гоголя умер 31 марта 1825 года. Смерть настигла его в имении родственника Гоголей, Д. П. Трощинского, Кибинцах. Мария Ивановна, узнав о его кончине, просила ее положить рядом с мужем, отрезала прядь его волос, спрятала их на груди. Несколько дней она молчала, не хотела даже видеть детей, но потом сила жизни взяла верх. Она пережила мужа на сорок три года (а сына на шестнадцать лет) и умерла от апоплексического удара в дни Пасхи.

Мария Ивановна, в возрасте одного года отданная родителями тетке Анне Матвеевне Трощинской, училась лишь зиму, добирала знания умом, сметливостью, через мужа и детей. Отец ее, Иван Матвеевич Косяровский, был почтмейстером. Это была в некотором роде фамильная гоголевская профессия. И Василий Афанасьевич начинал службу по почтовой части и долго числился в ней. И покровитель семьи Гоголей могущественнейший вельможа Д. П. Трощинский, переживший трех царей и у каждого из них бывший в чести, состоял одно время министром почт.

Василий Афанасьевич только числился, как мы сказали, по почтовой части, но на самом деле не служил, чины шли ему в порядке производства. Отец хотел записать Василия в гвардию, чтоб он таким же образом повышался в военных чинах, но к тому времени состоять в гвардии, не служа, как было ранее, стало невозможным (эту привилегию для дворян отменили), и Афанасий Иванович через Трощинского хлопотал об устройстве сына в Московский университет. Но и туда не суждено было попасть отцу Гоголя.

Он, окончив духовную семинарию, остался помещиком, хозяином бывшего хутора Купчинского, доставшегося его бабке еще от Танских, и сельца Ярьски. В детстве Васюта любил голубей, писал стихи; этим занятиям он предавался и в зрелом возрасте. Поэта из него не получилось, почтовым служащим он был только на бумаге, все его интересы сосредоточились в семье.

Единственным его увлечением был театр. Расторопный помещик преображался, когда в специально построенном Трощинским в своем имении Кибинцы здании распаивался занавес и зрительный зал замирал перед сценой, с которой начинали звучать речи героев древних трагедий, перебранка героев «Недоросля» или капнистовской «Ябеды». Василий Афанасьевич играл в этих пьесах, оформлял спектакли, даже принимал участие в шитье костюмов. Вместе с ним на подмостках кибинецкой сцены появлялась и Мария Ивановна.

После отца Гоголя осталось две коротенькие комедии (одна из них – «Простак або хитрощі жінки, перехитрені москалем. Комедія на одну дію» – дошла до наших дней) и несколько стихотворений.

В семье Гоголей была своя поэтическая традиция. Стихи писали и двоюродный брат Марии Ивановны, Иван Петрович Косяровский, и некогда Василий Танский. Также сказывалось влияние и духовного звания предков Гоголя по деду – Афанасию Демьяновичу. Гоголи ездили на молебствование в далекие и ближние монастыри, в Ахтырку, в Лубны, а позднее в Киев, в Воронеж. Но чаще их дорога пролегла из Васильевки в Диканьку, где в церкви Николая Диканьского (справа от иконостаса) стояла в серебряном окладе икона Николая-чудотворца, «крестного отца» Гоголя. Отец и мать молились перед этой иконой о даровании жизни их дитяти.

Икона, по преданию, «явилась» диканьчанам на обломке дуба, сваленного грозой, и засияла тихим голубым сиянием. Она являлась трижды – и на этом месте поставили божий храм. Из того дуба, на котором явился образ Николая-чудотворца, сделали крест, крест вкопали в землю и на том месте воздвигли алтарь. Этот крест, как бы ставший основанием церкви, ее краеугольным камнем, и по сей день – не источенный временем – стоит прочно.

Была церковь и в Васильевке. Строительство началось еще при бабушке и дедушке Гоголя и окончилось, когда он вырос. Сначала Афанасий Демьянович хотел поставить деревянную церковь, что обошлось бы дешевле. Но полтавское духовное начальство запретило. На каменную денег не было, и Татьяна Семеновна велела повертеть в своем сундуке дырку и стала бросать туда медяки. Длинный и высокий сундук этот при Гоголе стоял в девичьей. Годы шли, а сундук пополнялся медленно. Умер Афанасий Демьянович, хозяином Васильевки стал его сын, а молиться все так же ездили в Сорочинцы или в Диканьку. Особенно трудно это было весной, так как Голтва разливалась и смывала мосты. Тогда Василий Афанасьевич и Мария Ивановна решили присоединить к бабушкиным деньгам выручку от четырех ярмарок. Архитектора, вычертившего план, наняли по знакомству – из Кибинец. Архитектор-итальянец за малую плату набросал план скромного одноглавого храма. Каменщик запросил 6000 рублей. Ему платили по долям – сколько набиралось денег, столько и давали. Кирпич «выпалювали» на собственном кирпичном заводе, а песок возили мужики и козаки, согласившиеся делать это без платы.

Три года понадобилось, чтоб, наконец, на высоком месте села, там, где раньше гоняли скот на пастбище, у выхода в Яворивщину, граничившую с именьями Кочубея, встала церковка. Она была маленькая, белая, с зеленой луковкой-куполом и единственным крестом. Но она сразу организовала вокруг себя и господский дом, и хаты и всю местность как бы приподняла, освятила своим присутствием. Дом стоял напротив, и надо было перейти лишь дорогу, чтоб попасть из усадьбы на церковный двор.

По семейному преданию, церковь Василий Афанасьевич и Мария Ивановна заложили в благодарность богу за рождение сына. Иконостас родители Гоголя хотели заказать своему знаменитому земляку Владимиру Лукичу Боровиковскому. Боровиковский родился в Миргороде и до 1785 года жил там, занимаясь, как и его отец, религиозной живописью. Переехавшись в Петербург, он стал известен как портретист.

Кисти Боровиковского принадлежат портреты Г. Р. Державина, В. В. Капниста, Д. П. Трощинского. Гоголи не хотели отстать от своих знатных знакомых и, вероятно, через Капнистов или Трощинского обратились к художнику с просьбой принять их заказ. В «Гоголиане»² есть переписка между Василием Афанасьевичем и доверенным лицом В. Боровиковского В. Леонтьевым. В. Леонтьев сообщает отцу Гоголя, что «В. Л. Боровиковский соглашается написать иконостас за 2 тысячи рублей». Чем кончилась эта история, мы не знаем. Вероят-

² «Гоголиана» – хранилище гоголевских рукописей и документов. Находится в библиотеке Академии наук в Киеве.

нее всего, Гоголи отказались от тщеславной идеи, так как цена была запрошена немалая. А денег и так не хватало: чтоб купить плащаницу, пришлось продать столовое серебро. Первые годы церковь стояла без ограды. Потом, когда Гоголь прислал матери деньги в подарок, она выстроила каменную ограду.

3

Таинственна глубина лесов на родине Гоголя. И невелики они, а темны, глухи. Мерцает сквозь листву остекленевшая вода прудов, затянутых по краям ряской, в лунную ночь так и кажется, что появятся на берегу пруда русалки, кто-то завоет в чаще, кто-то откликнется. Стоят вдоль дороги в Диканьку тысячелетние дубы-великаны – осталось их всего три (когда-то, во времена Мазепы, была целая роща), – и о чем-то перешептываются их поредевшие кроны. Им есть о чем рассказать друг другу.

От Яворивщины рукой подать до Жуков (там стояли на постое шведы в 1708–1709 гг.), а от них уже и до Диканьки. «Богат и славен Кочубей, его поля необозримы», – писал Пушкин. Все вдоль этой дороги принадлежало богатым соседям Гоголей. Скромная Васильевка казалась маленькой перед лицом Диканьки, щедро раскинувшейся вдоль Зеньковского шляха, ведшего из Полтавы в Петербург. Диканька была украшена двумя церквями и белыми каменными триумфальными воротами на въезде, которые воздвиг в честь визита царя Александра I хозяин усадьбы Кочубей.

Сам хозяин жил в Петербурге, был министром.

Это соседство стесняло Гоголей, как, впрочем, и родство с Д. П. Трощинским, при котором Василий Афанасьевич, по существу, состоял управляющим его экономиями. В «Гоголиане» хранится деловая переписка отца Гоголя с подчиненными ему приказчиками и управляющими имений и усадеб Трощинского, разбросанных не только на Полтавщине. В ней есть письма о посылке Дмитрию Прокопьевичу архитектора для сооружения крыльца в Кибинцах, о поставках ему турецкого табаку и зайцев к обеду. Многие из местных помещиков благодарят Василия Афанасьевича за услугу, кто-то готов поднести и ему «подарочек», чтоб он замолвил слово у «вельможи». Соседи спрашивают о новостях, которые могли просочиться из Кибиноц, приказчик – о том, сколько выдать крестьянам хлеба в неурожайный год, другой помещик – о цене продаваемой семьи крепостных.

Отец Гоголя был бережлив, запаслив. Ни одна бумажка у него не пропадала. На письмах, записках, присланных из Кибиноц и из других мест, он писал: «Получено такого-то», «Отвечено такого-то». Аккуратно складывал записки в конвертик, а конвертик клал в конвертку. Оттуда они по прошествии времени перекочевывали в семейный сундук. В сундуке лежала грамота о присвоении Гоголям дворянства, счета и казенные бумаги из суда, из палат, из Миргорода, Полтавы, Киева.

Служба при Трощинском требовала унижений – в любую минуту «благодетель», как звали в доме Дмитрия Прокопьевича, мог вызвать в Кибиноц, в ночь-полночь потребовать объяснений. Это мучило отца Гоголя, который был горд, самолюбив. Закипала в нем кровь Танских и Полуботков. Но верх брали лизогубовское смирение и душевность.

Отец Гоголя остался в описаниях биографов немножко как чудак, отчасти как поэт, а более как хозяин, погруженный то в свои заботы, то в заботы и дела Трощинского. Он и в самом деле пописывал комедии, стихи, имел в парке специальный грот, выложенный из камней, который назывался гротом отдохновения. Хозяйственная сметка уживалась в нем с поэтической грезой. Среди его стихотворений были и такие:

Но что же делать мне, я, право, сам не знаю,
Без денег трудно жить, а что я затеваю,
Того уж невозможно исполнить никогда,
Но, впрочем, бы не худо – да что же за беда —
Продать отцовский дом старинного фасаду,
Но одного при нем фруктового жаль саду...

Позже он вставил эти стихи в одну из своих комедий.

Но помимо этих его странностей – странностей на фоне помещичьего захолустья, – Василий Афанасьевич был человек глубокий, умный, человек сильных, но скрытых страстей. Его переписка с Трощинским, сохранившаяся по большей части в черновиках, которые отец Гоголя оставлял для себя, полна оппозиционных интонаций. Эти интонации в беловиках Василий Афанасьевич смягчал, убирал – в черновиках они остались. Василий Афанасьевич не то чтобы перечит грозному родственнику (а Дмитрий Прокопьевич был zelo строг), но уклоняется от подчинения ему. Он сказывается больным, ссылается на какие-то «припадки», которые мешают ему прибыть в Кибинцы, на «воображение». Твердая рука Трощинского и достает, и как бы не достает его. Одна воля наталкивается на сопротивление другой воли, не менее властной.

Но если Трощинский говорит прямо (и его письма сохранились), то Василий Афанасьевич отвечает уклончиво. Иногда словесная казуистика его писем настолько темна, что даже опытный графолог и психолог не сможет точно сказать, соглашается ли Василий Афанасьевич с Дмитрием Прокопьевичем или требует, чтоб с ним согласились. Например: «Признательно осмеливаюсь доложить... по сему предмету, что сколько мне ни приятно служить всеми силами вашему превосх. (наверху: «оставляя свои». – *И. З.*), столько прискорбно, что я не могу показать вам сего видным образом моего рвения о ваших пользах... не удачные годы от многих причин беспрестанно как бы нарочно встречаться, чтобы затмить... мои...» и т. д. Самолюбие, не имея сил высказаться открыто, ищет обходных путей, стилистических околичностей, оно утаивает себя под слогом, как бы ссылаясь на несовершенство последнего.



Отец писателя Василий Афанасьевич Гоголь-Яновский

Так будет писать свои письма и Гоголь. Так писал их и дед его Афанасий Демьянович. Он сам пробивал себе дорогу в жизни. Хватка человека, привыкшего все устраивать самому, сочеталась в нем с неким ухарством и удастью безрассудного козака, хотя дед Гоголя ни в каких битвах не участвовал, а – по окончании Киевской духовной академии – служил в канцеляриях и дослужился до войскового канцеляриста. Зато он знал пять языков – русский, греческий, латынь, польский, немецкий, – не говоря уж об украинском, и мог блеснуть цитатой, книжным оборотом, премудрым силлогизмом, а то и чтением наизусть целой поэмы, чем, вероятно, и пленил юную Татьяну Семеновну.

История их любви отчасти описана Гоголем в «Старосветских помещиках». Афанасий Иванович (Гоголь только отчество деда изменил) увозит из дома Пульхерию Ивановну, они венчаются на стороне.

Дед Гоголя родился в 1738 году, и Гоголь, судя по всему, не застал его в живых. Но бабушку он помнил. Она пела ему козацкие песни, учила вышивать по тюлю, она первая дала ему в руки карандаш и бумагу и попросила срисовать пейзаж: кусочек пруда, дерево на берегу. У бабушки в саду стоял отдельный домик, и стены его, как и у Пульхерии Ива-

новны, были увешаны пучками трав, картинками осьмнадцатого века, так же засиженными мухами, как и в домике Товстогузов. Вот что пишет знаток детства Гоголя В. Чаговец: «Общие характерные черты жизни и взаимных отношений старосветских помещиков... могли быть известны Гоголю из рассказов, передаваемых старыми людьми, но некоторые факты... поэт почерпнул из письменных источников; так, например, страсть Афанасия Ивановича к составлению различных наливок, настоев, «декохтов» – черта любопытная и имеющая прямое отношение к деду поэта. В нашем распоряжении находится интересная тетрадь, составленная Афанасием Демьяновичем, наполненная рецептами для различных «декохтов» и настоек, и, что всего интереснее, там встречаются те же названия (как перегонять водку на персиковые листья, на черемуховый цвет, на золототысячник, на вишневые косточки), что и в повести Гоголя, точно так же и лекарственные настойки на шалфее (от боли в лопатках), на золототысячнике (от звона в ушах и от лишая) или различные соленья и способы их приготовления, упоминаемые в повести».

О деде Гоголя еще известно, что он любил гостей, любил рассказывать анекдоты и современные истории, сведения о которых доносились к нему через своих людей из Полтавы.

Верстах в тридцати пяти от Васильевки находилась деревня Олиферовка. Там в местной церкви священствовал дядя Гоголя – двоюродный брат Василия Афанасьевича. Сам род Гоголей-Яновских происходил из духовного звания. Прадед поэта, отец Иоанн (Ян) Гоголь, ведший свою родословную от некоего полковника Гоголя (то ли Остапа, то ли Андрея), тоже имел свой приход в селе Кононовке.

Вот почему в сочинениях Гоголя так много дяков, поповичей (вспомним поповича, который перелезает к Солохе через забор). Читатель помнит, конечно, и дяка Диканьской церкви Фому Григорьевича, автора «Вечера накануне Ивана Купала», «Пропавшей грамоты» и «Заколдованного места».

«Заколдованные места» встречаются и сейчас на родине Гоголя. Стоит выехать из бывшей Васильевки в сторону Шишак, простучать колесами по бревнышкам Каменецких мостков (по ним не раз ездил Гоголь)³ и взять немного влево, мимо села Малокивщина, как вскоре за селом откроется вид, которого, как любил говорить Гоголь, трудно сыскать в природе. Кругом необозримая даль, впереди виднеется лес, спускающийся вниз, к реке. Лес тот загадочно синееется, наплывает по мере приближения к нему, и темная его стена становится все выше и выше, она встает до неба, и, когда въезжаешь под купы деревьев, лес сразу поглощает, проглатывает, и ты оказываешься во власти его безмолвия, его пугающего безлюдия.

Этот лес зовется Стенкой, и принадлежал он когда-то Гоголям. Стенка по-украински означает спуск к реке. Этот спуск зарос деревьями, и вершины их, волнообразно спускающиеся к пойме, покрывают весь ближний обзор. Сюда, в этот лес, не ходят по грибы и по ягоды, хотя и того и другого добра тут вдоволь, сюда не навешиваются отдыхать в воскресные дни. В сыром нутре этого урочища много змей, они играют тут змеиные свадьбы, раздаются из утробы леса какие-то голоса, и народ боится этого места, обходит его. Поэтому нетронутой стоит трава, пышно цветут цветы, птицы собираются сюда в весенние дни на свои игрища, а людей не видать – тихо, глухо, пустынно. Свободно гуляют по нему лишь дикие кабаны да козы, лоси, не слышавшие звука ружья.

Под Стенкой, неярко мерцая, течет Голтва – речка, которая в иных местах уже пересохла, а некогда была полноводной. Какая-то серебристая нитка блестит вдали, когда смотришь на нее сверху, с острия «гоголевского шпиля» (как зовут самое высокое место Стенки), с небольшой поляны, откуда открывается вид на «все четыре стороны света». И действительно, как писал Гоголь в «Страшной мести», далеко видно вокруг. Стоит на той стороне

³ Сейчас их, к сожалению, нет.

речки одинокое ширококупное дерево – одно-одинешенькое, как бы отбежавшее от своего прародителя – леса, а за ним расстилается даль, та даль, которую можно лишь вобрать в себя душой и умилиться ей, поклониться.

Дорога бежит дальше, тонушая в наплывающих сумерках. Стенка остается позади, и через некоторое время вы въезжаете в Ярьськи – село, где сейчас самый большой в Шишацком районе колхоз, а когда-то было имение Д. П. Трощинского. Да и Гоголям тут принадлежало 100 десяти⁴ земли. Для сравнения скажем, что у Трощинского было – 8000 десяти⁴ земли в одной Малороссии, не считая других губерний, у Гоголей всего 1000 десяти⁴ земли и 300 душ крестьян. Были они средней руки помещики. Эти десятины и эти души получил Василий Афанасьевич в наследство от отца, а у родителей Марии Ивановны десятка душ, наверное, не набралось бы, были, как у Чичикова, только кучер, да слуга, да, может быть, две дворовые девки, да повар на кухне. Оттого и переезжал из города в город полуслепой Иван Матвеевич (из Орла в Курск, из Курска в Харьков), ища местечка потеплее, оклада пощедрее.

В Ярьськах Мария Ивановна Гоголь провела детство и юность. Тут, под присмотром тетки, училась читать и играть на фортепьянах, плясать для гостей (среди которых бывал и экс-министр Трощинский) «казачка», делать женскую работу. Сюда стал наезжать к ней ее будущий жених Васюта Гоголь, сначала тоже мальчик, потом юноша, бурсак, потом помещик.

Ярьськи стоят на высоком берегу Псела – реки рек Полтавской губернии. От бывшего дома Трощинских две сотни шагов до обрывистой кручи, с высоты которой открывается не менее волшебное зрелище, чем с высоты «гоголевского шпиля». Та же река внизу – но зеркало ее шире, берега песчано-белы, ветви ив свешиваются в воду. Псел извивается крупными кольцами, все тонет в дымке, бог знает что чудится за этой дымкой – Новороссия, и Крым, и сама Азия.

В виду этой бесконечности, этой нерукотворной красоты и зародилась любовь матери и отца Гоголя. Она с девушками гуляла по берегу Псела, он, прячась с наемными музыкантами в кустах, услаждал ее слух витиеватой музыкой. Слал страстные записки, слал их с верховыми, сам наезжал через день, пока не потребовал у Косяровских руки их четырнадцатилетней дочери, и в требовании своем был неумолим: как ни мала была Маша, отдали ее Васюте и благословили.

«Лошади домчали нас до Васильевки менее, нежели в час», – вспоминала потом Мария Ивановна Гоголь.

⁴ Десятина – мера земли, равная 1,09 га.

4

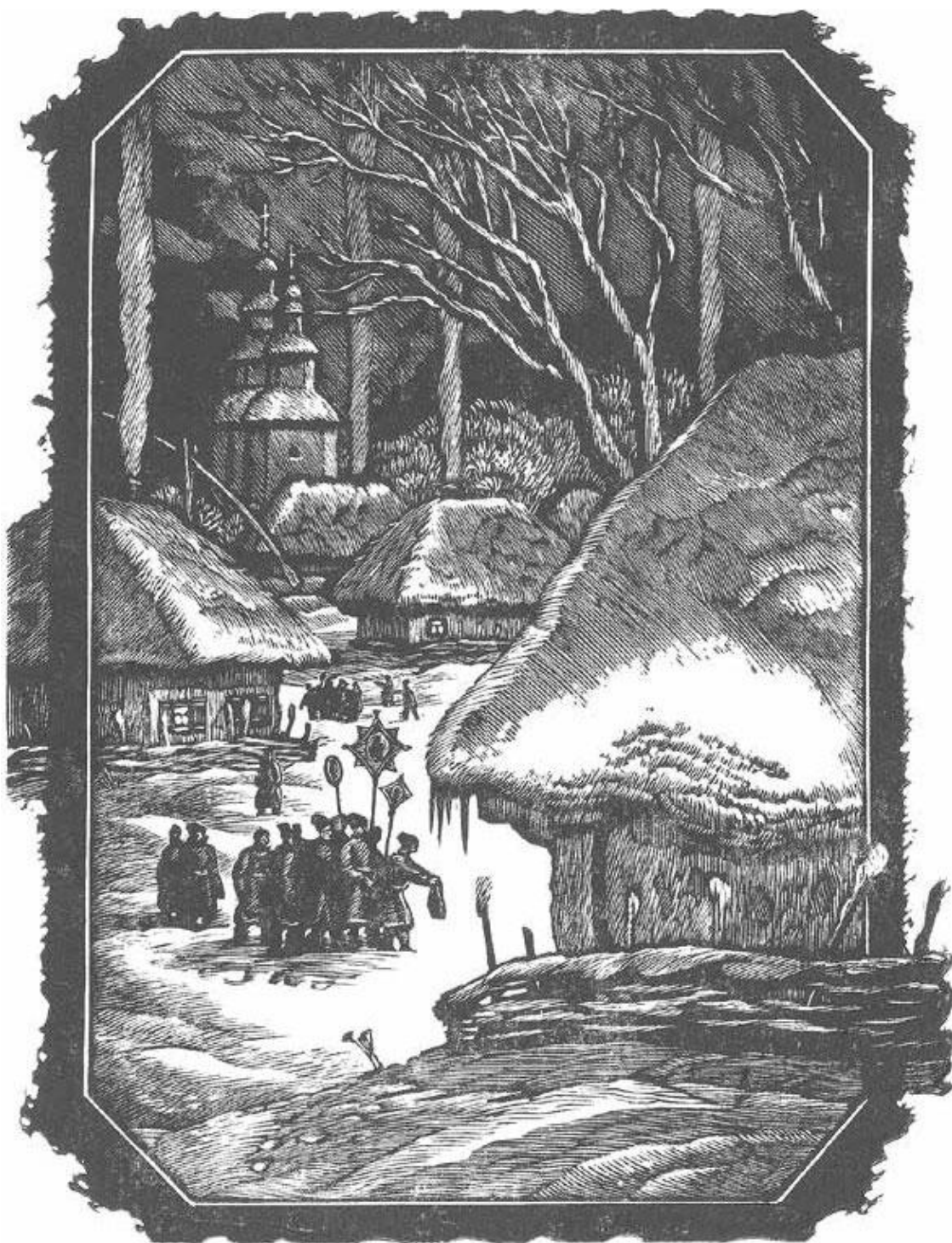
Летом 1832 года Гоголь после четырех лет отсутствия прибыл в родные пенаты уже автором «Вечеров на хуторе близ Диканьки».

Вполне вероятно, что именно в этот приезд на родину начал он пьесу, которая сначала носила название «Женихи» и была пьесой не из столичной, а из провинциальной жизни. Весною 1831 года Мария Васильевна Гоголь вышла замуж за поляка-землемера Трушковского. Гоголь отговаривал сестру от столь раннего и не по любви брака, писал об этом маменьке, но сестра не послушалась. Сидеть в девках не хотелось. А лучших женихов не было. Наезжали в Васильевку какие-то отставные юнкера, пожилые фаты или совсем молоденькие дворянчики без роду без племени, бывшие военные, коллежские регистраторы из губернии; для них устраивались балы и танцы, но скука и тоска царили на тех празднествах. Другая сестра Гоголя, Ольга Головня, вспоминала, что выбрать было не из кого.

Гоголь наблюдал эти сцены всякий раз, как наезжал домой. Мария Васильевна готовила себя к лучшей партии, она училась в пансионе мадам Арендт, знала французский, но в захолустье ее знания были не нужны.

Первая сцена «Женихов» доносит до нас эти терзания провинциальной невесты. Она сетует: «Что это, Господи боже мой, долго ли я буду в девках оставаться? Нет-да и нет женихов. Вымерли, как будто от чумы. Бывало прежде, благовоспитанные люди сами отправляются искать невест, а теперь ищи их. Ей-богу, никакого уважения к женскому полу. Я послала Марфу Фоминишну, не сыщет ли хоть на ярманке...»

Сваха Марфа Фоминишна разъезжает в этом варианте пьесы на таратайке, которую дал ей заседатель (любимое комическое лицо почти всех повестей «Вечеров на хуторе»), помещик Яичница расспрашивает, сколько у невесты «рыбы в прудах» (тоже намек на Васильевский пруд), а невеста, хоть и пышна телом, но... нос ее подводит. «Нос только очень длинен», – слышатся реплики. «Нос в сажень длиной. У ней нос, я вам говорю, в три аршина. Этакая машинища!»



«Ночь перед Рождеством». Худ. С. Харламов

Женихи здесь именно те, каких мог видеть Гоголь в Васильевке, и фон тут почти миргородский, сорочинский, полтавский, то есть тот, который навевали ему впечатления летней поездки 1832 года.

Но еще одна история вошла в его душу в то лето. То была история о двух старичках, о русских Филемоне и Бавкиде, как назвал их Пушкин. Трудно поверить, что она могла ожить без освежения воспоминаний юности, без отрадного чувства встречи с потерянным детством, с патриархальщиной украинской глуши.

Радость и сожаление охватили его, когда он ступил за порог родного дома. Умерла бабушка Татьяна Семеновна, опустел ее домик, никто больше не жил в нем, ее ласковый голос уже не звучал в знакомых стенах. Одиноко висели на них пучки зверобоя, ромашки, мяты, которыми бабушка лечила крестьян, в сундук улеглись ее платья и акварели. Но запах бабушки остался. Он веялся из старого шкафа, где когда-то висела ее одежда, от аккуратно застеленной постели, от ковриков и трав, от длинного железного сундука, где, кроме нарядов, хранился и дедовский архив. Письма дедушки Афанасия Демьяновича, его награды, дворянская грамота, счета, записки, которые дедушка писал бабушке, когда она была его невестой.

Еще в «Шпоньке», описывая одну из тетюшек невесты героя, Гоголь вспомнил о «вздохе осмнадцатого столетия» и пожалел о нем. Теперь защемило сердце при виде покинутого жилья, ушедшего прошлого, невозвратимой жизни.

Из этого чувства и родились «Старосветские помещики». Если ранее Гоголь требовал в посылках и письмах из Васильевки сведений о прошлом и таким образом самого прошлого, его сказок, вымыслов и преданий, то в этот раз он приехал на родину за настоящим и увез это настоящее в своем сердце.

В 1832 году Гоголь задержался в Васильевке ненадолго. Он просрочил свой отпуск и прибыл в Петербург глубокой осенью, когда в Северной столице уже выпал снег и Нева замерзла.

В эту осень он привез из Васильевки своих сестер Анну и Лизу, чтобы определить их в институт, в котором преподавал. Сестрам пришла пора учиться, он решил, что учиться они должны в Петербурге. И хотя в Патриотический институт принимали лишь детей военных (точнее, дочерей военных, так как институт был женский), сестер Гоголя приняли, а через некоторое время перевели на казенный кошт. Подобные благодеяния оказывались только в исключительных случаях и с согласия шефствующей над институтом императрицы.

В следующий раз Гоголь навестил Васильевку в 1835 году. В этом году вышли в свет «Арабески» и «Миргород». Маменька, не стесняясь, называла Никошу в письмах гением (за что он сердился на нее), в Полтаве, в Миргороде, в Сорочинцах и в Диканьке его считали важной птицей, и полтавский почтмейстер более не рисковал распечатывать его почту.

В подорожной, которая была выдана Гоголю, значилось, что он адъюнк-профессор, что сбивало с толку многих станционных смотрителей, ибо непонятное им слово «адъюнк» сильно смахивало на «адъютанта». Кто знает, чьим адъютантом он мог быть – генерала или генерал-губернатора, а может, кого-нибудь из великих князей. Гоголь не очень старался разочаровывать стражей почтовых станций, хотя и не настаивал особенно на том, что он адъютант. Он скромно присаживался на лавку в прихожей, протягивал свою подорожную и осматривал картины на стенах, а то просил показать ему ближайшие строения, конюшню, спрашивал, сколько на станции лошадей, чем их кормят и т. д. Это внушало подозрение. Платье на нем было петербургское, одет по последней моде, да ехал с ним еще товарищ по Нежину, В. Пашенко, тоже вполне приличный господин.

По рассказу Пашенки, позже записанному биографом Гоголя В. И. Шенроком, Гоголь и он быстро входили в свои роли и, понимая, что их принимают не за тех, кто они есть, подыгрывали зрителям. Пашенко даже в некоторых случаях заезжал вперед, старался опередить появление Гоголя на новой станции и намекал там, что ожидается важный чиновник, но держится он скромно, себя не выдает пустяками, ничего не требует, но в его портфеле очень важные полномочия. Смотрители верили, слово «адъюнк» в подорожной делало свое дело, и приятели катили от Москвы до Полтавы безо всяких препятствий.

Так разыгралась на русских дорогах репетиция «Ревизора». «Ревизор» был написан в конце того же 1835 года, когда Гоголь, выпросивши у Пушкина сюжет комедии, духом выдал ее в свет. Конечно, это был не тот «Ревизор», который мы привыкли видеть, и даже не

тот, который был представлен впервые на сцене Александринского театра в Петербурге 19 апреля 1836 года. В первых редакциях пьесы было гораздо больше подробностей, связанных с местами детства и юности Гоголя. Так, на стене в суде у Ляпкина-Тяпкина сушился табачок бакун, много слов и словечек из малороссийского быта звучало в речах героев. Да и Иван Александрович Хлестаков был еще Александром Васильевичем (отчество Гоголя), и ехал он не в Саратовскую губернию, в которой Гоголь никогда не бывал, а в соседнюю с Полтавской Екатеринославскую, то есть по тому пути, по которому не раз путешествовал и его автор.

А почтмейстер Шпекин как две капли воды походил на полтавского почтмейстера, с которым у Гоголя была давняя вражда. Городничий в первой редакции комедии прямо говорил ему: распечатай и прочти. «Весьма может быть, что там какой-нибудь или донос содержится или, может быть, просто переписка. А если нет, то можно опять запечатать – для этого есть разные глиняные формы, – или можно так отдать письмо – распечатанное...»

Сам Хлестаков в этой редакции очень напоминал его создателя в пору петербургской безвестности – с мечтами иметь платье и сапоги от лучшего петербургского портного и сапожника, кареты от Иохима (в доме Иохима – лучшего каретного мастера в столице – жил Гоголь в 1829 году), с хвастовством, что он знаком с посланниками, министрами и «бывает у князя Кочубея». Сосед Гоголей В. П. Кочубей был в то время канцлером Российской империи.

5

Минуло тринадцать лет. Все это время Гоголь лишь писал письма на родину, но не появлялся в отчем доме. Сюда вернулись, отучившись в Петербурге, его сестры, подросла и стала невестой младшая, Оленька, умерла, так и не найдя своего счастья, Мария, оставив после себя сына, племянника Гоголя, названного в его честь Николаем.

Матушка и сестры изредка выезжали в Полтаву или на богомолье в Киев и Воронеж, но основным их местопребыванием были все та же Васильевка и Кагарлык, где гостили они у дядюшки Андрея Андреевича Трощинского. Гоголь все эти годы помогал им, помогал по преимуществу советами, так как денег у него по-прежнему не было, мечта взять маменьку с собой, пристроить при себе и таким образом обеспечить ее старость так и осталась мечтой. Сестры, получившие высшее по тем временам образование, тоже глохли в глуши. Их знание языков и хороших манер не были нужны на конюшне, в кладовой, в поле.

В Васильевке ждали Гоголя, ждали его писем, вестей о нем. Он приехал 9 мая 1848 года. Это был день его именин. Никто не был предупрежден о его приезде (он хотел сделать матери и сестрам сюрприз), крестьяне были в поле, в доме не нашлось ни пирога, ни шампанского. Наскоро выкатили во двор бочку горилки, отпустили мужиков с барщины, сестры были как безумные от счастья, маменька плакала.

Весна в тот год выдалась неудачная. Ранняя жара побила посевы, хлеб у крестьян кончился. Доставали из господских амбаров, кормили голодных, а вскоре на Полтавщину явилась холера. Заболел и Гоголь. Начались рвота, боли в желудке. Несколько дней дом в Васильевке был в тревоге. Сестра Ольга лечила его травами, мать не отходила от его постели. Он выздоровел. Сильно осунувшийся и грустный, ходил он по аллеям запущенного парка, вспоминал юность, невозвратимую пору неведения, когда все впереди казалось ликующим, светлым.

Сестры Анна и Елизавета любили брата. Он заботился о них, как мать, он и был им как мать в годы пребывания их в Петербурге – пекся об их здоровье, заказывал для них платья, ездил по магазинам, выбирая наряды и украшения. Улучив минуту, он старался побыть с сестрами – то в пустом классе института, то в коридоре; он нежно ухаживал за обеими, когда они после выпуска жили вместе с ним в доме М. П. Погодина на Девичьем поле.

«Сердце этого ангела, – писала Мария Ивановна Гоголь после смерти сына, – было полно нежнейших чувств, но он скрывал это под суровой наружностью». И это была правда. Внешне нелюдимый, казавшийся многим гордым в общении, заносчивым, Гоголь способен был на самые неожиданные проявления любви и привязанности. Так преданно любил он А. С. Данилевского, как нянька ухаживал на вилле Волконской в Риме в 1839 году за безнадежно больным И. Вьельгорским, который умер у него на руках, так верно и неизменно любил он мать (хотя бывал суров и с ней), сестер, заботился об А. А. Иванове, даже опекал его, так любил он Жуковского, Аксаковых, Языкова.

В Васильевке Гоголь пытался работать. Чтоб укрыться от жары и от домашних, он поселился в небольшом флигеле, стоявшем отдельно от дома, где у него было две комнаты. «В одной комнате стояла кровать и конторка, – пишет В. Чаговец, – перед которой он занимался (Гоголь писал всегда стоя); убранство другой комнаты было так же просто, как и первой; в ней находился стол, заваленный книгами, этажерка, диван, перед которым стоял небольшой круглый столик, два кресла и ничего больше». Три окна выходили в сад, навес над верандой подпирался тоненькими деревянными колоннами – здесь Гоголь отдыхал, здесь слушал шум дождя, как слушает его рассказчик в «Старосветских помещиках».

Впрочем, дожди редко выпадали в то лето. «Голод грозит повсеместный, – писал Гоголь П. А. Плетневу. – Урожая покуда еще нечего даже собирать. Все не выросло и

выжгло, что не жнут, а вырывают руками по колоскам... Я ничего не в силах ни делать, ни мыслить от жару. Не помню еще такого тяжелого времени».

Гоголь ходил вместе с сестрой Ольгой по крестьянским хатам, они раздавали бедным деньги, травы, спрашивали о хозяйстве. Иногда он и сам отправлялся в поле и жал хлеб вместе с крестьянами. Приехавший спустя много лет в Васильевку киевский журналист В. Чаговец слышал от многих мужиков, помнивших Гоголя, что был тот «добрый барин», что помогал и советом и делом, чем мог и как мог. Он работал в саду, сажал деревья, а тем крестьянам, которые помогали ему, платил особо, потому что это был труд сверх барщины. А однажды он попросил у Марии Ивановны полведра наливки, велел испечь пирогов с сыром и пригласил всех крестьян, за исключением пьяниц и ленивых. Когда они собрались перед крыльцом, он вышел к ним, поздоровался и сказал: «Спасибо вам, добрые люди, что вы своими воликами хорошо землю вспахали моей матушке...» Затем он подал каждому стакан наливки и пирог; все пили за здоровье его и Марии Ивановны, обещая работать так же усердно, как и раньше; в заключение он дал каждому по два рубля и, простившись с ними, ушел в комнаты.

В отношениях Гоголя с народом не было ни заискивания, ни лицемерия. Он, рассердившись на своего слугу Якима Нимченко, как вспоминает П. В. Анненков, мог простодушно сказать, что побьет ему рожу, но он же и заботился об этом Якиме, женил его на девке Матрене и поселил их обоих в своей квартире в Петербурге. Позже Яким по его завещанию был отпущен на волю. Гоголь знал цену хитрости мужика, недоверию мужика к барину и невозможность откровенности между барином и мужиком, но он умел быть естественным в этом неестественном положении, при котором один подчинен другому, навсегда придан и продан другому, – для него мужик был прежде всего человек, а уж потом мужик, крепостной, его подданный, как выражались тогда. Поэтому он посылал сестре Ольге (которая со временем сделалась его ближайшим помощником в таких делах) деньги для покупки скота крестьянам, на лекарства, одежду.

«Один старик крестьянин, – пишет В. Чаговец, – на наши расспросы о Николае Васильевиче только мог ответить: «О, що то був за паньч добрый, Николай Васильевич, нехай его душенька царствуе! Бувало мене малого распытают, що роблю, що обидаю; иноди пятака давали, а раз то подарували черевычки, таки легеньки, та крипеньки; и то довго я в них ходив; и людям теж богато помагали. Дай им бог царство небесное!» И старик снял шапку и перекрестился».

Но в Петербурге, куда Гоголь взял Якима с собой в 1828 году, тот несколько развратился, перестал готовить и предпочитал брать обед для барина в трактире, а большую часть времени проводил на лежанке за перегородкой, где или спал, или читал вверх ногами взятые у барина книги. Зимой он любил ходить «под горы» – то есть на Адмиралтейскую площадь, где устраивались ледяные горки, а весной – туда же поглазеть на балаганы, где показывали разных ученых зверей, где фокусники разрезывали человека пополам и где всегда толпился простой народ.

Гоголь, заждавшись своего слугу (который забывал почистить платье и натереть сапоги), делал за него все сам, ругал его на чем свет стоит, грозил наказать, но почти никогда не приводил своих угроз в исполнение. Их с Якимом связывали Васильевка, детство, и не было в Петербурге существа, более понимающего Гоголя, чем его слуга. Он мог молчать, посмеиваться над барином, мог притворяться, что не слышит его приказаний или не понимает их, но Гоголь часто видел себя в Якиме, как в зеркале. Да и одевался тот так же, как барин, донашивая его модные одежды, и старался говорить так же, и приврать любил поголеовски – с размахом.

Осип отчасти списан с Якима, как, впрочем, и другие слуги в сочинениях Гоголя. Их, кстати, много. Иван в «Носе», Степан в «Женитьбе», Никита в «Портрете», Петрушка в «Мертвых душах».

Осип относится к Хлестакову, как к дитяти. Он прекрасно видит легкомыслие своего господина и ловко пользуется им. Осип не так простодушен, как Хлестаков. Если Хлестаков готов оставить купцам веревочку от сахара, то Осип говорит: давай и веревочку. Он, смекнув гораздо ранее Хлестакова, что их принимают не за тех, кто они есть, тонко вводит в эту игру городничего и других. Он намекает им, что его барин, может быть, выше полковника. Не сговариваясь с Хлестаковым и не получив от того никаких полномочий на это вранье, он врет сознательно, предвидя поживу и для себя. Но когда над ними нависает гроза и обман готов разоблачиться, уговаривает Хлестакова почти что отечески: поедем, загостились уже. Тут страх смешивается с жалостью к Хлестакову, потому что достанется больше всего тому, батюшка выпорот розгами того, хотя и Осипу не миновать тумачков.



«Сорочинская ярмарка». Худ. С. Харламов

Конечно, Осип не Яким – он не только жалеет, но и презирает своего барина. Он не прочь подставить ему ножку. Он издевается над его образом жизни в Петербурге, а сам завидует ему, ему самому хотелось бы так гулять по Невскому, дуться в картишки и жить за счет аглицкого короля. Вместе с тем он чувствует неосновательность всей этой жизни, ее непрочность, вертопрашество. И чувства дядьки, старшего по отношению к Хлестакову, житейского опекуна «елистратишки», смешиваются в нем с издевкой и желанием мщения.

Яким был пуповиной, связывавшей Гоголя с крестьянской Россией, с хитростью и дальним умом мужика, с его непобедимой уверенностью, что все само собой образуется. Во

всех своих пылких прожектах, начинаниях, предприятиях, остывая, он обращался к Якиму – и тот помогал ему притаптывать романтический огонь. В нем было некое *спокойствие*, которое есть во всех слугах Гоголя. Они даже меланхолики, а точнее, стойки – им все нипочем. Бричка вывалила барина в грязь – переживем. Нос отнялся, и на лице образовалось гладкое место (для барина это трагедия) – образуется, вернется нос (куда ему деться?). Беспочинится барин из-за женитьбы – минует и эта суета. Слуги у Гоголя своею невозмутимостью оттеняют суетливость господ. Те вечно куда-то спешат, куда-то рвутся: то за платьем незнакомки, то за богатством, то за генеральством, – они смотрят на это и ждут. Все равно барин вернется, как возвращается *на место* утерянный нос майора Ковалева.

В этом ожидании есть какая-то мудрость и, пожалуй, духовное здоровье, хотя кажется, что это разврат безделья и упования на русский «авось». Слуги у Гоголя, конечно, не чистые крестьяне, это дворовые, тот особый слой в русском крестьянстве и народе, который успел уже развратиться своей близостью к господам, ожесточиться, видя блага, которые имеют господа и которых нет у них, но они еще сохраняют первородный юмор народа и его иронию не только по отношению к тем, кто стоит над ними, но и по отношению к жизни вообще.

Если перейти от слуг к мужикам, которых редкими штрихами набросал в своих книгах Гоголь, то мужики у него тоже зрители действий господ, зрители по большей части иронические. Таков мужик, который отвечает Чичикову, как доехать до Плюшкина (которого он называет «заплатанной»), мужики, разнимающие сцепившиеся тройки Чичикова и губернаторской дочери, мужики, бредущие обочь дороги, по коей путешествует герой «Мертвых душ», мужики, стоящие у въезда в гостиницу и рассуждающие о достоинствах чичиковского колеса (в смысле – доедет оно до Казани или нет).

И лишь в Селифане (который не так развращен, как Петрушка) просыпается иногда лирическое чувство, и Гоголь отправляет его теплым летним вечером на свидание к городским девкам, и тот мечтает о «политичном держанье за белы ручки» и семейном счастье.

Мужики у Гоголя пьянствуют, работают и мрут «как мухи», но силою воображения Гоголь оживляет их в своей поэме, и тогда встают с ее страниц разные Степаны Пробки и Григории Доезжай-Недоедеш, которыми изобильна русская земля, и Гоголь слагает гимн их бесшабашности, умению строить, таскать суда посуху, грузить баржи с зерном на Волге и опять-таки гулять, в хмельном веселье глуша тоску по воле. Страницы в «Мертвых душах», где Чичиков – этот холодный делец – рассматривает список купленных им крестьян, становятся поэмой в поэме, истинной песнью Гоголя русскому народу, и такого накала достигает это чувство, что сам Чичиков замирает перед ожившей картиной и восклицает почти любовно: да где же вы, милые? Куда занесла вас жизнь? Где бродите вы сейчас? (Это о беглых.)

Чичиков, иронизирующий над необъятностью русских пространств (в разговоре с генералом Бетрищевым), Чичиков, имеющий, кажется, только свою лично корыстную цель, оживает вдруг вместе с этими «мертвыми душами», каждая из которых прекрасна сама по себе, ибо за именем, за фамилией, за простой строкой в ревизской сказке встает судьба, история и характер нации.

С той же радостью слышит Чичиков песни мужиков во втором томе, когда едут они на лодках с Петром Петровичем Петухом и гребцы затягивают печальную. Тон этой песни сливается с грустной красотой весеннего вечера, с картиной мирного сельского бытия, когда уставшее стадо возвращается с полей, поднимая легкую пыль по дороге, бабы выходят встречать его и стоят у своих ворот, а крестьянские дети резвятся на берегу реки. Нет в этом никакой идиллии, никаких румян – картины эти дышат любовью к России и к тем, кто кормит, поит, одевает и пеленает всех этих маниловых, собакевичей и плюшкиных.

Хитрость мужика, гибкий ум мужика, упрямство и воля крестьянина, его несвобода и какая-то иная, душевная свобода, которой нет у напoмаженных господ, отцов города, игра-

ющих в вист и проигрывающихся, интригующих, вышивающих шелком по тюлю, заражают и Чичикова. Этот скупщик «несуществующего» товара начинает видеть в русских крестьянах «богатырей», которые или работают до самозабвения, как Пробка Степан, или идут в разбойники в шайку капитана Копейкина.

Копейкин у Гоголя – главарь шайки, которая мстит только богатым и не трогает бедных. Он разбойник по справедливости. Даже в песнях о «воре Копейкине», читанных Гоголем в записях А. М. Языкова (они попали потом в собрание песен П. В. Киреевского), говорится о Копейкине как о честном христианине, который, встав поутру, молится богу и московским чудотворцам.

В этих песнях слышно предчувствие атамана своего конца. Он жалуется на сон, ему приснилось, что он оступись одною ногою и лишь дерево крушина, за которое он схватился, помогло ему удержаться на земле. При этом верхушка дерева обломила – дурной признак.

Не та ли меня крушинушка сокрушила,
С отцом меня, с матерью разлучила?

В «Мертвых душах» часто упоминается о беглых крестьянах, которые странствуют по Руси и погибают вдали от дома. Их можно увидеть и на волжских пристанях, и на дорогах, и там, где возводятся новые церкви, и по городам и весям. Мужики находятся в бегах, бунтуют, как крестьяне сельца Вшивая Спесь в первом томе, мстящие заседателю Дробяжину и всей земской полиции за сладкий интерес к их женам и девкам, или идут войною на помещиков и капитан-исправников, как во втором томе, когда волна, поднятая покупками Чичикова в Тьфуславльской губернии, ободряет их. «Какие-то бродяги, – пишет Гоголь, – пропустили между ними слухи, что наступает такое время, что мужики должны быть помещики и нарядиться во фраки, а помещики нарядятся в армяки и будут мужики, и целая волость, не размыслив того, что слишком много выйдет тогда помещиков и капитан-исправников, отказалась платить всякую подать».

В этом есть и сознание слепоты крестьянского бунта, и ощущение готового вспыхнуть по любой причине недовольства народа, который отделен от господ помещиков – всего ничего – забором барской усадьбы.

В Васильевке были совсем иные отношения между крестьянами и господами. Не слышно было ни о телесных наказаниях на конюшне, ни об унижении крепостных, ни о глухоте к страданиям мужика.

Сестра Гоголя, Ольга Васильевна, посвятила себя заботам о народе, сама лечила проходящих к ней из соседних деревень и сел баб и мужиков, ухаживала за больными в Васильевке и многих поднимала, ставила на ноги.

В своем завещании матери и сестрам Гоголь писал, что он хочет, чтоб Васильевка (свою долю владения которой он отдал матери) превратилась в приют для бедных, для старых, для больных. Всем, писал Гоголь, должны быть открыты двери, никто из нуждающихся не должен пройти мимо, не должен быть обойден вниманием хозяев.

6

В лето 1848 года Гоголь жаловался С. Т. Аксакову: «Полнота жизни от меня уходит, запаха свежести, первой весенней свежести я не слышу».

В 1850 году, когда он последний раз приехал в родные места, это настроение усилилось. «В 1850 году, осенью, в октябре, – пишет в своем дневнике С. П. Шевырев, – (Гоголь) со слезами на глазах говорил матери, что болезнь истощила его силы и что он не может уже ничего... (довершить) сделать полезного для отечества».

Конечно, это были минуты, когда он впадал в уныние, посещавшее его, кстати сказать, часто и в юности, но все же Гоголь тех лет – потухающий Гоголь, все более уходящий в себя, начинающий сомневаться в успешном завершении своего труда. Зрение его не притупилось, ум не замутился, слух был все так же жаден до звуков жизни, но сил, сил стало не хватать. Это угасание физическое, неспособность совладать с поставленной им перед собой целью – дать в трех частях поэмы всю историю и физиономию современной России – и было причиной его постоянных переездов, причиной нового переписывания и перемарывания белого текста.

Тем не менее Гоголь решил перестроить в Васильевке дом, купил лес и сам наметил бревна, расчертил план будущего дома, выделив в нем и для себя две комнаты. Он хотел жить и собирался жить, может быть, переселившись совсем в свои теплые края. Отец Гоголя тоже хотел перестроить дом, который был ветх, пропускал зимой холод и стал уже тесен для разросшейся семьи. Но Василий Афанасьевич так и не успел осуществить своего намерения.

Старые фотографии и рисунки доносят до нас атмосферу Васильевской усадьбы – на них виден широкий пруд, аллея кленов, которую особенно любил Гоголь, невысокий дом с белыми колоннами, с узенькими окнами, с верандой и клумбой у входа. «Пред домом, – пишет В. Чаговец, – росли деревья и кусты, заднее крыльцо выходило в сад, а за садом тянулся пруд, огромный, глубокий и рыбный, через пруд был перекинут мост, соединявший обе стороны, «ту» и «эту». Конечно, жаль, что дом не сохранился до наших дней, тем более что в нем многое было сделано по указаниям и даже рисункам поэта, как, например, венецианские окна, дверь с цветными стеклами и т. д.».

Заботы о перестройке дома относятся к последнему посещению Гоголем Васильевки летом 1850 года. В это свое путешествие на Украину он отправился с известным ботаником и историком М. А. Максимовичем, которого знал еще с 1832 года.

Гоголь и Максимович выехали из Москвы 13 июня. Путь лежал через Подольск, Малоярославец, Калугу. В Калуге остановились у жены губернатора А. О. Смирновой. Здесь Гоголь познакомился с графом Алексеем Константиновичем Толстым – будущим творцом «Царя Федора Иоанновича». Затем заехали в Долбино, имение П. и И. Киреевских. Посетили Оптину пустынь. Навестили в Петрищеве мать братьев Киреевских Авдотью Петровну Елагину, 1 июля, захватив в Соро чинцах Данилевского, Гоголь прибыл в Васильевку.

Данилевский к тому времени стал инспектором одной из киевских гимназий. Он женился, остепенился, у него родилась дочь, которую он назвал Ольгой. С этой девочкой Гоголь подружился, когда гостил у Данилевских летом 1848 года. На этот раз он въехал в Киев уже не полубезвестным автором одной книги, не самонадеянным юношей, а человеком, которого вся образованная Россия чтит как одного из ее умственных вождей.



Дом в Васильевке

Гоголь не любил шумных сборищ, всеобщего изъяснения восторга, ему лучше было, когда он гулял один по городу, постукивая по киевской мостовой своей суковатой палкой и держа за руку маленькую Оленьку Данилевскую. В то лето он вспомнил приезды в Киев с папенькой и маменькой в гости к А. А. Трошинскому, свои болезни, киевских докторов, высокий берег, Андреевскую церковь над Подолом, всю будто свитую из крема, сладкую, спуск к реке, и киевские сады, дубравы, колокольню лавры, и Днепр – и дали за Днепром.

Днепр он воспел в «Страшной мести», киевскую бурсу (в которой учился его дед) в «Вии». «Теперь я принялся за историю нашей единственной, бедной Украины. Ничто так не успокаивает, как история, – писал Гоголь в ноябре 1833 года Максимовичу. – ...Вы не можете представить, как мне помогают в истории песни». «Туда, туда! в Киев! в древний и прекрасный Киев! – пишет он в декабре 1833 года. – Он наш... Там или вокруг него деялись дела старины нашей». «Да это славно будет, если мы займем с тобою киевские кафедры. Много можно будет наделать добра» (там же). А вот письмо от января 1834 года: «Однако наперед положить условие: как только в Киев – лень к черту, чтоб и дух ее не пах. Да превратится он в Русские Афины, богоспасаемый наш город!» «Ты рассмотри лучше характер земляков, – читаем мы в письме от 12 февраля 1834 года, – они лентяи, но зато, если что задолбят в свою голову, то на веки. Ведь тут только решимость: раз начать, и все... Типография будет под боком. Чего ж больше! А воздух! а гливы! а рогиз! а соняшники! а паслин! а цыбуля! а вино хлебное... Тополи, груши, яблони, сливы, морели, дерен, вареники, борщ, лопух! Это просто роскошь! Это один только город у нас, в котором как-то пристало быть келье ученого». А еще через месяц в Киев летит новое письмо: «Песни нам нужно издать непременно в Киеве. Соединившись вместе, мы такое удерем издание, какого еще никогда ни у кого не было».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.